

Не стало Нины Сазоновой

В понедельник в Москве на 88-м году жизни скончалась народная артистка СССР Нина Сазонова.

Марина ДАВЫДОВА

Нина Сазонова появилась на свет в Рождество — 7 января 1917 года в селе Константиновском Московской губернии. Рождество — светлый и радостный праздник, и облик Сазоновой тоже всегда излучал свет, радость и домашнее какое-то тепло. Есть артисты, подобно шекспировскому Протею, умеющие перевоплощаться в самых разных, совершенно не похожих друг на друга героев. Зритель готов к таким неожиданным перевоплощениям. Он ждет их. В случае с Сазоновой зритель ждал совсем другого. И дело не в том, что Сазонова, подобно Борису Бабочкину, который, сыграв Чапаева, так и не смог в дальнейшем переиграть самого себя, была актрисой одной роли. Она была актрисой многих ролей, но роли эти выстраивались в длинный, бесконечный ряд, в который при желании можно было бы поместить еще миллионы русских (точнее советских) женщин. Сазонова бы-

ла неотличима от них. Она была не прекрасна, не ужасна, не возвышенна, не уникальна. Она была типична. И воспринимали ее простодушно — не как актрису, а как свою, родную.

Это ей, сыгравшей тетю Пашу в сериале «День за днем», шли со всех концов страны письма, авторы которых, подобно чеховскому Ваньке Жукову, писали на конверте: «Москва, тете Паше». Письма находили адресата. Василий Шукшин как-то рассказывал, как после просмотра в одном деревенском клубе фильма «Живет такой парень» получил из зала записку: «Товарищ режиссер, кто играет эту тетку Анисью? Ежели артистка, так что ж она у вас такая деревенская?»

Для кинематографа Сазонову открыл не кто-нибудь, а Александр Довженко. Увидев ее в одном из спектаклей, он пришел к ней за кулисы и предложил молодой еще женщине сыграть роль крестьянки, потерявшей на войне семерых детей. На возражения («Я не смогу. Мне не поверят»), он от-

ветил просто и ясно: «Сможете. У вас глаза матери». Для него облик Сазоновой был не типичным, а скорее архетипическим.

В театре (можно написать просто — в Театре Армии, ибо она проработала в нем почти 60 лет, почти всю творческую жизнь) столь важная для кино типичность и архетипичность Сазоновой отступили на второй план. Здесь, на театральных подмостках, выяснялось, что ее диапазон куда шире, чем принято было считать. Она играла здесь Вассу Железнову, Епанчину в «Идиоте», бабушку в инсценировке романа Достоевского

«Игрок», Гурмыжскую в «Лесе» Островского. Играла порой остро — властных купчих, своенравных дворянок, неприкаянных барынь. Но в сознании миллионов зрителей она все равно навек останется простой, доброй женщиной со слегка лукавым прищуром. Народную любовь не переспоришь. Жизнь Сазоновой, сотни раз ездившей в составе фронтовых бригад на передовую, попавшей в окружение, едва не погибшей, и жизнь ее героинь и впрямь переплелись так, что уже было и не разобрать, где кончается артистка и начинаются ее персонажи. Кто там

пел «Стою на полустаночке», сама ли Сазонова, ее ли героиня?

Последние годы Нина Сазонова тяжело болела, на сцену не выходила. Ее личная жизнь сложилась несчастливо. Она умирала в доме для престарелых и вызывала интерес журналистов в основном в связи с какими-то полукриминальными историями вокруг ее недвижимости. Всенародную любимицу, воплотившую лучшие черты народа, народ, как водится, очень быстро забыл. У него появились другие кумиры.

Так проходит земная слава. Что может быть недолговечнее?

Николай ПАСТУХОВ: «Больше и зацепиться-то не за кого!»

Я пришел в театр в тридцать восьмом году, Нина была молодая, красивая, с черной косой. Она тогда играла девчонок. Они с Добржанской пели песню в одном из спектаклей, и зритель всегда бурно аплодировал. В том, как она пела, было видно, какая в ней любовь к пению! Она излучала любовь к песне, любовь к жизни. Большой была жизнелюб! Она умела себя отдавать, очень любила зрителя. Я помню ее мужа Витю Белявского, они любили друг друга, это была такая любовь! Я смотрел на их счастье — и так радовался. Но это счастье оборвалось — он умер от рака. И, когда он

лежал в больнице, она там дневала и ночевала. Она умела отдавать себя любимому человеку. И я помню, какими глазами на нее смотрел умирающий Витя.

Когда мы отдыхали в Архангельском, ее сразу окружали, восхищались ею, и создавался теплый круг людей, которые друг друга чувствуют. Она чувствовала людей. Это качество теперь так редко встретишь. И ведь так ей было последние годы тяжело, так сложилось неудачно многое — но об этом сейчас говорить не хочется. И несмотря на это, она всегда светила. Я смотрел на нее и думал: «Как мож-

но, несмотря на все эти боли, остаться светлым человеком?»

Мы с ней играли вместе, были партнерами. Она выходила — и гром аплодисментов. И я говорил: «Боже, какое счастье, что она умеет так настроить зрителя!» Она затягивала зрителя, а потом на этой волне можно было так легко играть! Когда мы с ней приезжали в город, где гастролировали, к ней сбегались поклонники.

Я прожил жизнь, зная, что этот человек со мной вместе идет, что мы идем по одному пути. Она ушла, и я думаю: «Боже мой, больше и зацепиться-то не за кого!»

Сазонова
Нина
(отписана)
Росин.

Известия - 2004.
- 2 марта - с. 2.

226